

* * *

П. Ф.

Нам с тобой нелегко достаётся
То, что впору согласным друзьям.
Говорят, что где тонко — там рвётся...
Ну зачем ты связался с поэтом!..

Обещаю тебе без обману:
Изменив своему миражу,
Отрезвею, прозаиком стану
И семейный роман напишу.

* * *

Не избежать сумы или тюрьмы...
И сложится ж такая поговорка!
Мы этой безысходностью сильны —
Была б вода, была б ржаная корка,
Да синь небес была б ещё видна
В проёме облаков или окна...

ОТ РЕДАКЦИИ

Александр Невский! Много песен и сказаний было сложено о защитнике земли Русской со времён стародавних... И жизнь нашего города тесно связана с его именем: Троицкая лавра, возле которой ныне открыт памятник святому Александру Невскому, покровителю Руси, Русскому воину; станция метро, площадь его имени...

И не случайно в канун трёхсотлетия Санкт-Петербурга мы публикуем двух авторов, посвятивших свои поэмы Герою нашей истории. Мы выносим их на ваш суд, дорогие читатели, и ждём откликов на эти произведения, так как они являют собой разный художественный подход и заслуживают внимательного и критического прочтения.

Сергей ФИРСОВ

*Кандидат на конференцию
молодых писателей Северо-Запада*

Александр Невский

I

Коварна Волхова волна:
Таит и мели, и пороги.
Тут верная рука нужна
Да глаз, и опытный, и строгий.

Но лишь открылся водный путь,
Ладьи стремятся к Новограду.
Везут шелка, парчу и юфть,
Везут доспехи и наряды.

Под мускулистую рукой
Скрипят уключины натужно,

Со своенравною рекой
Справляясь весело и дружно.

Суровый кормчий, кинув взгляд
На парус, молится устало.
Но вот он, славный Новоград.
И судно к берегу пристало...

Теперь не то... А в те лета
Другое видеть бы могли вы:
Манили здешние места
Дракары, снелки и расшивы

Со всей земли.
И торг вели.
И, о мой Бог,
Какой был торг!

И были здесь
И чужь, и весь...
Юный, старый
Несут товары.
Тут — хазары,
Там — татары,
И болгары,
И авары.
Сивые ливы
Неторопливо
Чешут гривы
Коням ретивым.
Германец, прея
В железных латах,
Орет, еврея
Схватив за патлы.
И, свирепя,
Бьет по шее:
— Стыдитесь, гады,
Христом распятым!

А народу — что? Горя мало.
А народу — что? Развлекуха.
— По сусалу его! По сусалу!
И по уху вдарь! И по уху!

Мед да брага,
В поединке с варягом
Свалим беднягу

Хмелем да брагой —
Спит, бедолага.

А там — кожемяка
Лупцует бродягу:
— Кыш, доходяга,
В свою ватагу!
Раз — атака!
Два — атака!
По макушке — каменьягой!
Ну и драка!
Однако...

Кудахчут куры,
Собаки лают,
А бабы-дуры
Все выбирают:

— А мне бы ткань для понёвы новой.
— А мне бы телку. Как без коровы?
— А мне бы жемчуг на кичу скатный.
— Что? Мало денег? Гони обратно!

А солнце жарится
С верхотуры.
Сдурели, маются
Бабы-дуры.
Шум! Крик! Гам! Вой!
Товар — горой!

Теперь — не то, а в те лета
Текла торговля лихо.
У нас иная маета,
И мы торгуем тихо.

II

Под сводами тяжелыми, меж ликами пречистыми,
Одев, согласно случаю, себя в одежды скорбные,
Князь Александр всё молится который час. Он истово
Поклоны бьет и крестится пред светлою иконою.

О чем стремится к Господу его молитва страстная?
Он просит сил и мужества для поединка правого.
Еще вчера, негаданно, случилась весть ужасная —
Прознали о вторжении властителя Картавого.

Отечество несчастное! Отечество великое!
 Какой виною Господу ты стало неугодное,
 Что год за годом сыплются несчастья многоликие,
 И каждый камень во поле омыт слезой народною?

Так пыткой изощренною бесстыдно кат играется,
 Лишая жизни медленно, болезненно и муторно.
 И ты, мое Отечество, чуть горе утрясается,
 Глянь! Новыми несчастьями да бедами опутано.

Намедни в храмах Господу пропели благодарствие,
 Что лютые кочевники не вышли к Новгороду.
 Вздохнули с облегчением. Ан новые препятствия:
 Находники заморские пришли! Репей им в бороду!

На снелках переправились и пешие, и конные
 Дорогой лебединою до русских берегов.
 И у Невы причалили враги неугомонные.
 И ни конца, ни краю нет скоплению судов.

Вот вышел Князь с моления из-под навеса крытого
 И люду новгородскому рек, поведя плечом:
 «Не в силе Бог, но в правде. И помянем песнь Давидову:
 Те на коне, в оружии — мы ж Бога призовем».

Куда там сборы долгие — возьму дружину малую,
 До ратных дел привычную, оружие и хлеб.
 Да не откажут в помощи домой прийти со славою
 Мои святые сродники — князя Борис и Глеб.

И враз на речи княжие толпа взметнулась криками:
 «Веди нас! — надрывается народ разгорячася.—
 Мы справим службы многие перед святыми ликами,
 И серебром, и воями тебе поможем, Князь».

III

Лето жаркое ныне.
 Редкий дождь.
 Пыль да смород полынный.
 Ты бредешь.

Жажда... Вязкое нёбо,
 Словно мох.
 И до самого гроба
 Выход — вдох.

А глаза застигает
 Горький пот.
 Что тебя ожидает?
 Нечет? Чет?

Жажда — липкого бреда
 Сестра.
 Нынче знойное лето —
 Жара.

И такое сдается:
 Как знать,
 Что назад не придется
 Шагать?

Утомленный и пыльный,
 Смекнешь:
 Сам, к своей же могиле,
 Идешь...

Что ж?

Далеко еще до пристанища,
 Тянет в сон от жары, от пыли ли?
 Люди Князя свет Ярославича,
 Видит Бог, совсем обессилили.

Уж в седле засыпают всадники,
 Пешьи пот утирают по́лою.
 Затянули, запели ратники
 Песнь протяжную, невеселую:

·Это было во дни далекие,
 Дни далекие, стародавние,
 Столь давно, что забылось многое.
 Может, сотню лет до Крещения...
 ... Как вдоль Мутной реки да по берегу
 Ехал витязь дорогой торною,
 Из похода, похода долгого
 Ворочался домой, на Родину.
 А в поход его князь Бравлин позвал
 Не за сотни верст, а за тысячи.
 И пошли они да на Сурож-град,
 Что у моря стоит, у теплого.
 И пестрели щиты Бравлиновы
 И под Корсунью, и под Корчевым.
 По всему побережью Черному
 Шли с победами, шли со славою.
 И дошли. И великой силою
 Подступили ко граду Сурожу.
 Велико было войско русское,
 Да и князь Бравлин был силен зело.
 Девять дней шла осада без толку —
 На десятый решились приступом.
 Проломив ворота железные,
 Взяли город дружины русские.
 Стали грабить его без совести.
 Стариков да баб. малых детушек,

Не жалеючи, стали в плен вязать,
 Дабы в рабство продать хазаринам.
 Посеред того града Сурожа
 Возвышался святой Софии Храм,
 И покоился там, под сводами,
 Преподобный Стефаний Сурожский.
 Князь Бравлин поклонился идолам,
 Он Христовой Веры не ведал,
 И ворвался во Храм неистово
 За богатою, за наживою.
 Стал он грабить церковной утвари:
 Жемчуга, серебро и золото.
 И рукою своей языческой
 Он оклады рвал со святых икон.
 И, все новой добычи алчущий,
 Ко гробнице святой приблизился...
 И содеялось чудо чудное,
 Поразил Бравлина крутой недуг —
 Обратилось его лицо назад.
 Испугался Бравлин, опомнился.
 Стал молить для себя прощения.
 И сказал ему городской глава:
 Прекратить разграбление города,
 Сурожанам вернуть изъятое,
 Многотрудно приобретённое,
 Отпустить на свободу пленников.
 И, как только случилось оное,
 Исцелился Бравлин немедленно.
 И, уверовав в силу Господа,
 Принял он в сей же час Крещение...»

Песни русские, песни Родины,
 Отчего вы тоской пропитаны?
 О походах, что были пройдены,
 И о странах, что были виданы...
 Неужели нельзя без горести
 Про походы свои удалые?
 Или мучит зазренье совести,
 Или раны тревожат старые?

Меж полями, лесами, селами
 Александровы рати стелятся,
 А на ум идет невеселое:
 Впереди кровавая мельница.

Что с тобою назавтра станется?
 Ждет в конце пути сила вражия...

И далеко за войском тянется
 Невеселое и протяжное:
 «Как вдоль Мутной реки, да по берегу
 Ехал витязь дорогой торною.
 Вспоминая о чуде Сурожском,
 Торопился домой, на Родину.
 Он спешил поклониться матушке,
 И отцу до земли, и невестушке,
 Что ждала его цельных восемь лет
 Из похода, похода долгого.
 Уж родная кругом сторонюшка —
 Недалече до Новгорода.
 Веселится душа грядущему,
 И природа тому сопутствует.
 Вся земля наводнилась запахом
 Травостоев, еще не кошенных.
 В них купаются звери дикие,
 Птицы в небе поют и мечутся.
 Тетива за сосною тенькнула,
 Просвистела стрела каленая,
 Обрела приют в горле витязя...
 Повалился он в пыль дорожную,
 Оглядел окрест с удивлением.

Растворились лесные запахи,
 И окончились песни птичьи.
 Принесли его люди добрые.
 Мать от горя недолго маялась...
 ... А невеста, отплакав должное,
 За купца пошла иноземного...»

Спели. И песнь протяжная
 Стала в пути подмогою.
 Вышли ко стану вражьему
 Тайной лесной дорогою.

Ухоронились ратники,
 Дабы враги не вызнали,
 Ринулись враз на лапники,
 Лишь из доспехов вылезли.

Смолкли. Одни дозорные
 Тихо перекликаются.
 Ночи в чашобе — черные:
 Нечистью извергаются...

Продолжение следует.

Татьяна ДУПЛИНСКАЯ

Сказание о князе Александре

Избранные главы

*«Яко велие солнце явился еси,
 блаженне, вселенней чудесы
 страшными просвещай весь мир!»*

*«На жертву блага предает
 Себя с любовью он святою —
 Народ его чтит всей душою
 И красным солнышком зовет».*

*«Он на алтарь Отчизны милой
 Себя как жертву приносил».*

*«Сын верный Церкви православной,
 Он храмы Божии любил,
 И под порфирию державной
 Смиренье в сердце сохранил...»*

*(Житие св. блгв. кн. А. Невского.
 М. Хитров)*

Глава V

Сцена княжеской охоты. По закону о престолонаследии после князя Ярослава престол должен был унаследовать старший брат Александра — Феодор, но Богу было угодно, чтобы в это страшное время испытаний для Руси на престоле оказался мудрый и во-

левой государь — Александр. Мягкий и смиренный Феодор умирает накануне своего собственного бракосочетания 5 июня 1233 года. Феодор причислен к лику святых Православной Церковью. Его мощи хранятся в раке в Новгородской Софии.

Девушка Мария, недавно обращенная из язычества в христианство — образ, введенный для показания особых черт характера Александра как будущего Великого князя. Мария, влюбленная в Александра, еще не раз будет появляться в главах Сказания.

— Гей, дружина моя, ясны соколы!
Собирайтесь на зов, да седлайте коней! —
Александр прокричал,
Звонкий рог зазвучал,
Феодор подъезжает на Тополе.
Им подводят собак
Через толпы зевак...
Собираются ловчие... Молодцы
Омывают усы в горьковатом вине,
Рукавом отерев, дабы во поле
По студеной росе, по есенним ручьям
Ноги их небоязненно топали...
— Отъезжаем! — и копыя наперевес —
Им взамен поцелуев цветущих невест.

*...На лисиц, -соболей
И на диких зверей,
И больших поскакучих заюшек
Собралася дружина младых князей...*

... Лай собак... Восхишенье боярышень...
— А управимся? — тихо спросил Феодор —
Опасенья — позор,
Но опасность — не вздор!
В прошлый раз мой Акимка едва уцелел:
Тур мотал на рогах и не вдруг околед,
Как поспели на помощь малому...
— Будем дружкой крепчать! —
Александр отвечал. —
Всяк един — как пред огнем солома.
Ну, а вместе, друзья, перебьем половчан
И победы испьем шеломом.

Затрубили рога. Князь вперед поскакал,
А за ним и дружина верная...
Свист и гики в холмах...
Над добычей — луна, —
И над лагерем, и над вербами...

Затянули товарищи песни в ночи...
Пусть пока не война, и в руках не мечи,
Но крещение братством любой получил:
Юный князь и сокольничий, повар и псарь
Прочитали любви и единства словарь!
Растянулись на шкурах
в мерцанье костров,
Протянуло дымком
среди усталых шатров...
И добычей менялись... Чу, филин кричит...
Под горою ручей незамерзший журчит,
А у ног, засыпая, борзая ворчит...
Тише, тише, и птицы, и мыши!
Задремал у костра Александр до утра
Было.
Но сквозь струйки ресниц
и смушенье синиц —

Диво:
Красна дева стоит, о любви говорит,
И монисто сверкает игриво...
Ну, а очи-глаза застилает слеза
Голубее, чем воды залива!
Вмиг дремота сошла,
Как водица с весла,
Отрезвленную пала на росы...
Рук лебяжьих узор
Диктовал приговор
Александр не медля, без спросу.
— Я, князь, Мария — дешнего вдовца
Меньшая дочь... Тебя всегда любила,
Искала только твоего лица,
За колдовством любви — к волхам ходила.
Близка Тельцу, и Овну, и грозе,
Мятежных чувств уже познала пламя...
Плывет мой челн по бурной речке Лъзе*,
От берега до берега — меж нами.
Не отвергай меня, мой властелин,

* Лъзя (слав.) — можно. Здесь игра понятий, намек на то, что все можно для этой девушки, и нет для нее запретного.

А лучше ложе в куше* постели!..
 А что же князь? Встревоженный виденьем,
 Пришел в себя:

— Сие, о нет, ей-ей не наважденье!
 Меня, скорбя,

смирненный Ангел на коленях просит
 Девицу эту в одночасье бросить!
 Откуда zde, в медвежьих чашах этих
 Взятась она?

Она, предугадав его смятенье,
 Упала в ноги! Что за наважденье!

— Мой сокол ясный!

Я — твоя отныне,
 Безмолствуй, ничего не говори,
 Пускай любовь в безумном человеке
 Гудит костром до утренней зари...
 Мой сокол ясный, я — твоя отныне, —
 Простерла длани, чтобы обхватить...

И лишь глаза пустынное пустыни
 Не дали разум лаской замутить!
 Очнулся князь, накиннул плащ парчовый
 И тихо встал, колеблясь и винясь,
 Какой-то весь взерошенно-пунцовый,
 Над ней с трудом, в волненье наклонясь:

— Прости, краса-девица, — я не властен
 Собою распоряжаться на земле:

Земли снегов, моей земли причастник,
 Хочу дожидаться лета в феврале!

Откуда zde, в медвежьих чашах этих,
 Взятась она?

— Прости, Мария, ни за что на свете
Не пей вина!

Андрей РОДОССКИЙ

Весна

Ну, вот весна и началась —
 И скуку ежедневной стужи
 Сменила слякотная грязь
 Да скверно пахнувшие лужи.
 Но несколько недель пройдет —
 Исчезнут лужи, станет сухо.

И примут все весны приход
 Как благодать Святого Духа.

Так чуть явившийся на свет
 Уродцем кажется ребенок,
 И, кажется, ужасней нет
 Испачканных его пеленок.
 Но несколько недель пройдет —
 И что за чудо там в коляске?
 Чей взор, не знающий забот,
 И чьи голубенькие глазки?
 Привыкший к молоку и сну,
 Душою хрупок, светел, тонок,
 Встречает первую весну
 Очаровательный ребенок!

Два царевича

Устав от зимних вьюг и пург,
 Новорожденный Петербург
 Коротким полуношным летом
 Желает насладиться светом.
 На шумных улицах поет
 Слегка подвыпивший народ.
 Как безобидные хлоплушки,
 Палат, не прекращая, пушки —
 И радуется русский люд,
 Потешный слушая салют.
 В чем ликования причина?
 Полтавской битвы годовщина.
 Что ж омрачает праздник сей
 В веселом месяце июне?
 Увы! Под пыткой накануне
 Погиб царевич Алексей.

Но жаждет мученик отмщенья!
 Взывает жертва, что прощенья
 Убийце и потомству нет...
 И ровно через двести лет
 Россия вновь запольхала —
 И умершвлен в горах Урала
 С несчастною семьею всей
 Другой царевич Алексей!

* Куша — палатка.